

20. Генеральное консульство Беларуси открылось в индийском городе Мумбаи [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/generalnoe-konsulstvo-belarusi-otkrylos-v-indijskom-gorode-mumbai-517254-2022/>. – Дата доступа: 28.02.24.

21. Касько назначен послом Беларуси в Индии [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/kasko-naznachen-poslom-belarusi-v-indii-608289-2024/>. – Дата доступа: 28.02.24.

22. Главы МИД Беларуси и Индии обсудили наращивание торговли, кооперацию и региональную безопасность [Электронный ресурс] // БелТа. URL: <https://www.belta.by/politics/view/glavy-mid-belarusi-i-indii-obsudili-naraschivanie-torgovli-kooperatsiju-i-regionalnuju-bezopasnost-610608-2024/>. – Дата доступа: 28.02.24.

23. Индия готова оказать поддержку Беларуси в процессе присоединения к БРИКС [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/indija-gotova-okazat-podderzhku-belarusi-v-protsesse-prisoedinenija-k-briks-596034-2023/>. – Дата доступа: 28.02.24.

24. India-Belarus Relations [Electronic resource] // Embassy of India, Minsk, Belarus. – Mode of access: <https://www.eoiminsk.gov.in/page/bilateral/>. – Date of access: 28.02.24.

25. Лукашенко поставил задачи перед новым послом в Индии и рассчитывает на рост сотрудничества [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-postavil-zadachipered-novym-poslom-v-indii-i-rasschityvaet-na-rost-sotrudnichestva-608295-2024/>. – Дата доступа: 28.02.24.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

Д. В. Драгун

Белорусский государственный университет, Минск

D. Dragun

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.22:94

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНОВ
РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА
В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

**PERIODIZATION OF THE EVOLUTION OF PHENOMENA
OF RADICALISM AND EXTREMISM
IN THE WORLD POLITICAL PROCESS**

Статья посвящена изучению генезиса и эволюции радикальной и экстремистской деятельности в мировом политическом процессе. Сформулированы критерии выделения стадий развития радикализма и экстремизма, предложена авторская периодизация эво-

люции указанных феноменов, охватывающая периоды Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; эволюция радикализма и экстремизма; насилие; национальная безопасность.

The article is devoted to the study of the genesis and evolution of radical and extremist activities in the global political process. Criteria for identifying the stages of development of radicalism and extremism are formulated, and the author's periodization of the evolution of these phenomena is proposed, covering the periods of Antiquity, the Middle Ages, New and Contemporary times.

Keywords: radicalism; extremism; evolution of radicalism and extremism; violence; national security.

В условиях геополитического динамизма мирового политического процесса, высокой интенсивности социокультурных изменений и сохраняющейся террористической угрозы исследование радикализма и экстремизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Так, часть 3 статьи 1 Конституции Республики Беларусь гласит, что государство «защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок» [1]. В соответствии с частью 3 статьи 5 Основного Закона, «запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [1].

Важность усилий по противодействию радикализму и экстремизму неоднократно подчеркивал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «обеспечение национальной безопасности – это наша общая задача, каждого гражданина Беларуси» [2; 3; 4].

Отечественная и зарубежная наука в последние годы уделяет пристальное внимание различным аспектам радикализма и экстремизма. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые: А. Абдулмаджид [5], М. Манн [6], М. Сейджмен [7] и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских и российских ученых, как Г. А. Василевич [8], Д. А. Нечитайло [9], Н. А. Чернядзева [10] и др.

Несмотря на значительный объем публикаций, посвященных различным вопросам радикализма и экстремизма, остается широкий спектр проблем, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций. Одна из них – проблема генезиса и эволюции радикальной и экстремистской деятельности в мировом политическом процессе.

Цель статьи – разработать периодизацию эволюции феноменов радикализма и экстремизма в мировом политическом процессе.

Исторические проявления радикализма и экстремизма как социально-политических явлений, появившихся вместе с борьбой за завоевание

и удержание власти, наблюдались задолго до возникновения соответствующих терминов.

По мнению кандидата исторических наук И. Н. Лопушанского, впервые термин «радикализм» (от лат. «radix» – «корень» или позднелат. «radicalis» – «коренной», «корневой») был использован английским философом И. Бентамом в конце XVIII в. применительно к созданному им новому направлению философии – утилитаризму [11, с. 7]. В дальнейшем данный термин распространился на политические, религиозные и культурные практики и уже в XIX в. окончательно закрепился за социальными и политическими взглядами и идеологиями.

Термин «экстремизм» появился во время Гражданской войны в США 1861–1865 годов, когда бескомпромиссных представителей обеих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обеих частей страны» [12, с. 24].

По степени институционализации исследуемых явлений, а также мотивационной направленности идей и действий агентов политического процесса выделим в эволюции радикализма и экстремизма четыре стадии.

I. Радикальные и экстремистские проявления времен Античности и Средневековья, признаваемые нами в качестве **первых проявлений радикализма и экстремизма**, носили спорадический, элитарный и локальный характер, не получая сколь-нибудь массового распространения в политическом процессе, хотя и имели значительный уровень влияния. Тем не менее, на данной стадии развития исследуемых явлений формируются их характеристики, инструментарий и модели.

В рамках «предыстории» радикализма и экстремизма мы выделяем два этапа.

Первый этап – *прагматический* – охватывает радикальные и экстремистские проявления Античности, характерной чертой которых выступает практическая направленность на обретение государственной власти оппозиционными акторами. Нормативные аспекты радикальной и экстремистской деятельности при этом динамичны, антидогматичны и трансформируемы в антитезу идейным коннотациям господствующих акторов.

Примеры радикальной и экстремистской деятельности подобного рода широко известны (например, персидское восстание против Мидии 553–550 гг. до н. э., Ионийское восстание 499–493 гг. до н. э. и мятежи илотов в Античной Греции, союзнические войны и гражданские войны конца II – начала I в. до н. э. в Римской республике и т. д.).

В рамках данного исследования особо отметим деятельность религиозно-политического движения zelotes, которые в 66 г. н. э. подняли восстание против эллинизации Иудеи и захватили Иерусалим. Отстаивая независимость и культурную автономию Иудеи от Римской империи, zelotes ссылались на ветхозаветные тексты, согласно которым правителем Израиля может быть только потомок Давида. Отдельного упоминания в контексте поставленной цели заслуживает «боевое» крыло движения – сикарии, со-

вершавшие политически мотивированные убийства имперских сановников и представителей «коллорабационистской» иудейской знати [10, с. 35].

Второй этап – *религиозный* – развитие радикализма и экстремизма охватывает конфессиональные расколы и еретические проявления авраамических религий Раннего и Высокого Средневековья. На данном этапе нормативная мотивация, вытекающая из трактовок положений Священных текстов, выходит на первый план и выполняет функцию легитимации политических интересов, связанных с перераспределением власти в обществе.

Начало религиозного этапа связано с первым политически значимым расколом в исламе, положившим начало появлению и радикализации отдельных его течений, – так называемой первой «фитной». Она произошла в 656 г. в результате политически мотивированного убийства третьего Праведного халифа Усмана восставшими, которые были недовольны правлением курайшитского купечества и его отходом от нормативных положений ислама, выразившимся в кумовстве, стяжательстве денежных средств, пьянстве и игнорировании мнения уммы.

Первая «фитна» положила начало разделению единого ислама на суннизм (сторонники Муавийи, ставшего халифом по итогам гражданской войны 656–661 гг., и последующей за ним линии наследования), шиизм (последователи Али и его прямых потомков) и хариджитизм, фундаментальные различия которых в результате дальнейших противостояний выкристаллизовались в политических аспектах функционирования уммы, прямым образом проистекающих из различий в трактовании отдельных положений Корана и сунны.

В рамках настоящего исследования важно отметить, что разделение ислама на основные направления и дальнейшее выделение из них отдельных течений (суфизм, салафизм, имамаизм, исмаилизм, ибадизм, азракизм и так далее) носило атрибуты радикальности и экстремистского насилия как по содержанию, так и по форме.

Особого упоминания в контексте избранной темы заслуживает одно из течений шиизма – исмаилизм низаритского толка. Лидером данного течения – Хассаном ибн Саббахом – сформулирована теория и практика осуществления показательных политически мотивированных убийств представителей курайшитского правящего класса в арабских государствах, направленных на устрашения населения, дестабилизации общественного порядка.

Далее рассмотрим средневековые ереси, сопровождавшие христианство с самого его появления. Классические догматы Церкви формировались посредством Вселенских соборов, несогласие с решениями которых приводило к формированию отдельных течений, не соответствующих ортодоксальной линии. Формально основополагающие различия ересей лежат не в политическом поле, а в теологической плоскости: статус Святой Троицы, природа Иисуса Христа, поклонение Распятию и т. д. [13, с. 131]. Однако указанные различия экстраполировались на социально-политическую сфе-

ру, проявляясь в форме требования об ограничении власти Папы Римского и епископата, секуляризации движимого и недвижимого имущества Церкви, отмены практики индульгенций, установления равенства граждан, ликвидации сословных привилегий и повинностей. Так, например, неполитическое требование отмены ограничения на заключение кровнородственных браков имело политическую мотивацию – избежать дробления земельных владений аристократии на независимые феодалы в результате их перехода по наследству.

Наибольшую активность еретические проявления радикального и экстремистского характера (среди прочих, катаризм, вальденсизм, богомилство), обрели в XI–XIII вв. в наиболее развитых регионах Европы – Фландрии, Валлонии, Лотарингии, Ломбардии, Тоскане, Лангедоке и Провансе.

Следует заметить, что радикальный и экстремистский характер присущ не только еретическим течениям, но и реакции на них. Так, в 1199 г. Папа Римский Иннокентий III в качестве наказания за нарушение ортодоксальных догматов веры предусмотрел конфискацию имущества, лишение прав наследства и запрет занимать государственные должности. Кроме того, против катаризма, широко распространенного в Окситании, был объявлен крестовый поход, участники которого отметились жесткостью при массовом искоренении местного населения [14, с. 96].

II. Совокупность радикальных и экстремистских проявлений Нового времени, по нашему мнению, следует выделять в качестве **революционно-трансформационной стадии**. В данный период радикализм и экстремизм стали неотъемлемыми атрибутами политического процесса, обретая системный характер. Более того, именно радикальные и экстремистские проявления Нового времени, имевшие революционный характер, заложили основы современной политической картины мира.

Начало революционно-трансформационной стадии связано с Реформацией, развернувшейся в Европе с первой трети XVI века в виде ряда не сводимых друг к другу течений, оппонирующих Католической церкви. Согласимся с мнением российского исследователя С. А. Исаева, что источник разграничения реформационных течений лежит в политической плоскости и конституируется путем выстраивания иерархий между государством и Церковью [15, с. 111; 16, с. 102], которые могут быть сведены к двум универсальным моделям:

1. Теократической (государство вторично по отношению к религиозным институтам и призвано обеспечивать их деятельность и руководствоваться установленными ими целями);

2. Этагистской (государство как суверенный субъект во взаимоотношениях с Церковью, наделенный полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью религиозных институтов в рамках определенной территории).

Теократическая модель несла в себе имманентные признаки радикальности, настаивая на переориентации обыденных практик взаимодействия

государства и Церкви. При этом отдельные попытки реализации этой модели сопряжены с высоким уровнем насилия. Так, в рамках Великой Крестьянской войны 1524–1525 гг., охватившей значительную часть Священной Римской империи, наиболее радикальную часть крестьян возглавил Томас Мюнцер, проповедовавший установление Царства Божьего. Приоритетным способом установления теократического государства являлось физическое устранение всех несогласных с мюнцеровской трактовкой Писания, к которым причислялись не только католические иерархи, но и последователи альтернативных течений Реформации.

Наибольшее распространение в рамках Реформации обрела этактистская модель, в рамках которой предусматривалось реформирование католической догматики, каноники и/или литургии при сохранении суверенного статуса как Церкви, так и государства. Тем не менее, реакция Священного Престола на Реформацию привела к активизации силового противостояния между противоборствующими сторонами, что вылилось в ряд насильственных актов (например, Варфоломеевская ночь) и вооруженных конфликтов (например, Шмакальденская война 1546–1547 гг., Гугенотские войны 1562–1598 гг., Нидерландская революция 1566–1609 гг., Англо-испанская война 1585–1604 гг.). Пиком силового противостояния стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., в которую было втянуто большинство значимых европейских государств.

Кульминацией проявлений радикальности и экстремистского насилия в рамках революционно-трансформационной стадии является Великая Французская революция, апофеозом которой стал период диктатуры монтаньяров с сентября 1793 по июль 1794 года. По мнению российских исследователей Д. Ю. Бовыкина и А. В. Чудинова, «систематические репрессии проводились тогда не только для уничтожения реальных противников, но и для подавления воли к сопротивлению всех недовольных» [17, с. 161]. По оценкам французского историка и политолога П. Генифе приблизительное число жертв «Террора» находится в промежутке от 200 до 300 тысяч человек, что составляет около 1 % населения Франции того периода [18, с. 256].

III. Радикальные и экстремистские проявления конца XIX – первой половины XX веков составляют **идеологическую стадию**. Выделение указанной стадии в качестве отдельной обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в связи с расширением избирательных прав населения широкие незлитарные слои привлекаются к участию в политике. Во-вторых, формируются различные идеологические доктрины, ориентированные на запросы «простых людей» [19, с. 9]. Синергетический эффект указанных факторов реструктурирует проявления радикализма и экстремизма, придавая им подлинно массовый характер в стремлении к идеологически обоснованному преобразованию основ социально-политической экзистенции.

В качестве пиковых узлов всплеска радикальности и экстремистского насилия на данной стадии можно назвать, среди прочих волну революционного террора конца XIX – начала XX в., революции 1905 и 1917 гг.

и Гражданскую войну в России [20, с. 189; 21, с. 63, 76, 214]; Ноябрьскую революцию 1918 г. и последующая череда мятежей, восстаний и путчей в Веймарской республике [22, с. 42, 105, 124, 137, 186]; политический активизм фашистского толка в ряде европейских стран в эпоху Интербеллума [6, с. 52] и после Второй Мировой войны [23, с. 161–162] и т. д.

IV. Современная стадия развития радикализма и экстремизма, по нашему мнению, может быть описана как **дивергенционная**. При сохранении и активном функционировании идеологически [24] и религиозно [25] мотивированных типов радикальности происходит также их рекомбинация и возникновение новых разновидностей исследуемых явлений – экологического, конспирологического, воук-радикализма и экстремизма. Кроме того, распространение сети Интернет позволяет говорить о возникновении новой виртуальной формы осуществления радикальной и экстремистской деятельности – политической протестной киберактивности – в противовес классическому «офлайн»-формату [26].

Таким образом, в результате проведенного анализа предложена авторская периодизация эволюции феноменов радикализма и экстремизма в мировом политическом процессе, в основу которой положены такие критерии, как степень институционализации исследуемых явлений, а также мотивационная направленность идей и действий акторов политического процесса. Выделены четыре стадии развития радикализма и экстремизма.

На первой стадии, охватывающей проявления радикальности времен Античности и Средневековья, отмечены спорадичность, элитарность и локальность проявлений радикализма и экстремизма. В рамках первой стадии выделены «прагматический» и «религиозный» этапы эволюции, отличающиеся ценностным содержанием. Для «прагматического» этапа характерна практическая направленность радикально-экстремистской деятельности оппозиционных акторов на обретение государственной власти; для «религиозного» – сакральная мотивация преобразований социально-политического пространства.

На второй революционно-трансформационной стадии, охватывающей радикальные и экстремистские проявления Нового времени, указанные феномены приобретают статус неотъемлемых атрибутов политического процесса, оказывая непосредственное влияние на способы разрешения ключевых вопросов взаимоотношения между государством и Церковью, а позднее – на модели построения и эволюции секуляризированной государственности. При этом элитарный характер изучаемых явлений сохраняется.

На третьей идеологической стадии конца XIX – первой половины XX в. в результате расширения избирательных прав и вовлечения широких слоев населения в политический процесс, а также оформления классических идеологических доктрин проявления радикализма и экстремизма обретают массовый характер в стремлении к идеологически обоснованному преобразованию основ социально-политической экзистенции.

На четвертой дивергенционной стадии развития исследуемых явлений, развертывающейся в современном политическом процессе, возникают новые формы радикализма и экстремизма (экологические, конспирологические и так далее). При этом происходит «виртуализация» политического протеста, трансформирующей механизмы функционирования радикализма и экстремизма.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2024. – 16 янв. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-1705392850>. – Дата доступа: 20.01.2024.

3. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2023. – 31 марта. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorussskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. – Дата доступа: 20.01.2024.

4. Торжественное собрание в честь Дня Независимости [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2023. – 30 июня. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/torzhestvennoe-sobranie-v-chest-dnya-nezavisimosti-1688137806>. – Дата доступа: 20.01.2024.

5. *Abdulmajid, A.* Extremism in the Digital Era: The Media Discourse of Terrorist Groups in the Middle East / A. Abdulmajid. – Antwerpen: KU Leuven, Palgrave MacMillan, 2021. – 293 p.

6. *Манн, М.* Фашисты / М. Манн; пер. с англ. под ред. А. Р. Дюкова. – СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. – 592 с.

7. *Сейджман, М.* Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 218 с.

8. *Василевич, Г. А.* Противодействие экстремизму по законодательству отдельных государств: сравнительный анализ / Г. А. Василевич // Предварительное расследование. – 2021. – № 1. – С. 23–28.

9. *Нечитайло, Д. А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Д. А. Нечитайло; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2017. – 633 с.

10. *Чернядьева, Н. А.* Был ли терроризм в древнем мире? К вопросу о предпосылках и факторах становления современного терроризма / Н. А. Чернядьева // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 32–39.

11. *Лопушанский, И. Н.* Радикализм: теория и практика: учебное пособие для магистратуры / И. Н. Лопушанский. – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 48 с.
12. *Корнилов, Т. А.* Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Т. А. Корнилов // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23–25.
13. *Ле Гофф, Ж.* Рождение Европы / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. А. Поповой; предисл. А. О. Чубарьяна; Международный фонд гуманитарных исследований «Толерантность». – СПб.: Александрия, 2008. – 397 с.
14. *Еремеев, С. Г.* Историко-психологические аспекты терроризма / С. Г. Еремеев, А. А. Замулло // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3. – С. 95–98.
15. *Исаев, С. А.* Реформация в Европе: разновидности реформационных движений / С. А. Исаев // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 97–122.
16. *Исаев, С. А.* Реформация в Европе, 1517–1660 гг.: хронологический обзор / С. А. Исаев // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3. – С. 101–124.
17. *Бовыкин, Д. Ю.* Французская революция / Д. Ю. Бовыкин, А. В. Чудинов. – М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. – 468 с.
18. *Генифе, П.* Политика революционного террора, 1789–1794 / П. Генифе; пер. с фр. под ред. А. В. Чудинова. – М.: УРСС, 2003. – 319 с.
19. *Малашенко, А. В.* Современное варварство: причины и следствия / А. В. Малашенко, Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Полития. – 2018. – № 2 (89). – С. 6–22.
20. Экстремизм в современном мире: монография / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – 444 с.
21. *Медушевский, А. Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А. Н. Медушевский. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.
22. *Мёллер, Х.* Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии / Х. Мёллер; пер. с нем. А. В. Доронина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 311 с.
23. *Випперман, В.* Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982 / В. Випперман; пер. с нем. А. И. Федорова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 232 с.
24. *Драгун, Д. В.* Радикализм и экстремизм в современном политическом процессе / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2022. – Вып. 21, ч. 1: Политические науки. – С. 54–61.
25. *Драгун, Д. В.* Радикальный исламизм в дискурсе современного политического знания / Д. В. Драгун // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 2. – С. 92–98.

26. Драгун, Д. В. Политическая протестная киберактивность: понятие, формы и механизмы противодействия / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2021. – Вып. 20, ч. 1: Политические науки. – С. 35–42.

(Дата подачи: 23.02.2024 г.)

Т. В. Жмакина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

T. V. Zhmakina

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 32.019.5

СПОР КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

DISPUTE AS A DIALECTICAL SYSTEM

Политическая коммуникация характеризуется наличием разногласий и отсутствием единого мнения по существу вопроса. Любое разногласие в точках зрения по существу вопроса, столкновение мнений, при котором стороны отстаивают приемлемость своей позиции, реализуется в споре, который в политическом контексте может быть осуществлен в дискуссии, полемике или дебатах. Политическая коммуникация представляет собой сложный, динамичный процесс, который характеризуется переходом от одного вида спора к другому в рамках одного и того же коммуникативного действия. Эффективность маневренности такого сдвига зависит от профессионализма и аргументативных компетенций субъекта аргументации.

Ключевые слова: политика; аргументация; политическая аргументация; спор; диалектический подход к аргументации; формально-диалектический подход к аргументации.

Political communication is characterized by disagreement and lack of consensus about the standpoint at issue. Any disagreement involving opposed standpoints at issue, a clash of opinions, when the parties defend the acceptability of their positions, is realized in a dispute that can take the form of a discussion, controversy or debate. Political communication is a complex, dynamic process that involves a shift from one type of dispute to another within the same communicative act. The effectiveness of the maneuverability of such shifts depends on the arguer's professionalism and argumentative competencies.

Keywords: politics; argumentation; political argumentation; dispute; dialectical approach to argumentation; formal dialectical approach to argumentation.

Всякая аргументация как интеллектуальная речевая социальная деятельность состоит из двух элементов: агентов – участников спора и самого спора как дискурса определенного содержания, тематической направленности, включающего фиксацию несовпадения позиций сторон. Особенность аргументации – как формы, процесса или разновидности коммуникации – опре-